

БРИТАНСКИЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ БЕСЦЕНЗУРНОЙ ГАЗЕТЫ «КОЛОКОЛ»

А. И. Герцен, будучи величайшим мыслителем, не мог не признать значение и уникальность британского парламентаризма. Вместе с тем, критикуя современное ему состояние политических институтов Великобритании, он считал необходимой их дальнейшую демократизацию, движущей силой которой должны были стать трудящиеся. Эти установки оказали несомненное влияние на характер тех публикаций «Колокола», в которых находили отражение различные аспекты британской модели парламентаризма. Газета отнюдь не идеализировала эту форму правления и критически относилась к возможности ее адаптации к условиям России. Однако бесспорным является признание «Колокола» значения британского варианта государственно-правового развития, его несомненных преимуществ по сравнению с лишенным динамики российским самодержавием.

А. Minayev

BRITISH INSIDE POLITICS OF THE MID-19th CENTURY IN THE COVERAGE OF THE RUSSIAN NON-CENSORED NEWSPAPER “KOLOKOL”

Being a greatest thinker, A. I. Herzen recognised the value and uniqueness of the British parliamentarism. Criticising the contemporary condition of Great Britain's political institutes, he considered that their further democratisation was necessary with workers becoming their motive power. This orientation undoubtedly influenced the character of publications of the “Kolokol” newspaper, in which various aspects of the British model of parliamentarism found their reflection. The newspaper did not idealise this form of government at all and critically concerned the opportunity of its adaptation to the Russian conditions. However, the newspaper's recognition of the importance of the British variant of state-legal development, its doubtless advantages in comparison with the Russian autocracy, deprived of dynamics, is indisputable.

Британский парламентаризм, ставший результатом длительного развития государственного механизма этой страны, привлекал к себе внимание всего спектра русской

общественной мысли середины – второй половины XIX в. Подчеркивая его непреходящее значение, Н. И. Кареев писал: «... Все современные конституции, как бы

они не отклонялись в ту или другую сторону, этим своим образом или прототипом, имеют государственное устройство Англии»¹.

Зарождение русской эмигрантской журналистики связано с основанием А. И. Герценом Вольной русской типографии в Лондоне. В 1853 г. вышло литографическое обращение публициста «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», в котором сообщалось о скором открытии типографии. Свою цель он видел в том, чтобы стать «свободной бесцензурной речью» передовой России, чтобы «невывезанным мыслям... дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянными в немой дали русского царства»².

Обращение к «Колоколу» при изучении восприятия британского парламентаризма радикальным направлением общественной мысли России в середине XIX в. вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, демократические издания, выходившие внутри страны, в силу цензурного контроля при освещении вопросов европейского политического процесса оставались, как правило, на позициях близких к либеральным. Во-вторых, издание «Колокола» в Лондоне помогало газете оперативно откликаться на британские события. В-третьих, в публикуемых материалах часто прослеживается сопоставление британской политической системы с российским самодержавием, что представляется особенно ценным. Наконец, «Колокол», из номера в номер публиковавший статьи и заметки Герцена и Огарева, помогает полнее исследовать воззрения этих выдающихся мыслителей на британский парламентаризм.

В работах Герцена превалировали критические оценки государственно-правовой системы Великобритании. Вместе с тем он противопоставлял конституционную законность британского политического строя и судопроизводства беззакониям бонапартистской диктатуры во Франции. По его мнению, «...два краеугольных камня всего английского быта: личная независи-

мость и родовая традиция — для француза почти не существуют»³. Француз не видит «...той суровой мощи, которою народ этот отстаивал свои права, того упрямства, вследствие которого из англичанина можно все сделать, льстя его страстям, — но не раба, веселящегося галунами своей ливреи, восхищающегося своими цепями, обвитыми лаврами»⁴. Для француза не понятны те ценности, на которых зиждется английское государство, в частности «...мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся...»⁵.

Мы находим у Герцена глубоко уважительное отношение к многовековому «зданию» британской конституции, превосходящему своей прочностью «причесанный» кодекс Наполеона. Говоря о воображаемом французе, оказавшемся на «Туманном Альбионе», Герцен писал: «Он теряется в несметном разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелести, поэзии, смысла в самой разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревцами и с полицейскими садовниками на каждой аллее»⁶.

В то же время Герцен полагал, что британское государство, в котором был заложен положительный многовековой опыт борьбы за ограничение произвола власти по отношению к собственникам, отнюдь не выражало интересы всего народа. Между ним и широкими массами, лишенными собственности, лежала непреодолимая пропасть. Герцен указывал на то, что в Великобритании «...самое правительство по той мере мощно, по какой оно служит органам господствующей среды и понимает ее инстинкт»⁷. Саму же эту «господствующую среду» здесь «...составляет среднее сословие»⁸.

Мыслитель считал, что дальнейший прогресс британского парламентаризма связан с активностью народа, который выступал за политическое равноправие с бур-

жуазией и аристократией. В случае если народные массы не добьются желаемого, перспективы Великобритании Герцену представлялись весьма мрачными. Он обоснованно разделял опасения Дж. Ст. Милля о том, что при неблагоприятном для трудящихся исходе внутривнутриполитической борьбы в стране может установиться неограниченный диктат государства над своими подданными деспотического, «китайского» образца при сохранении видимости парламентаризма и буржуазной демократии. «Если народ и в Англии будет побит, — писал Герцен, — как в Германии во время крестьянских войн, как во Франции в Июньские дни, — тогда Китай, пророчимый Стюартом Миллем, не далек. Переход в него делается незаметно, не утратится... ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*»⁹

Таким образом, Герцен, будучи величайшим мыслителем, не мог не признать самоценность и уникальность британского парламентаризма, ставшего результатом многовекового развития государства, но вместе с тем, критикуя современное ему состояние политических институтов Великобритании, он считал необходимой их дальнейшую демократизацию, движущей силой которой должны были стать трудящиеся. Эти установки оказали несомненное влияние на характер тех публикаций в «Колоколе», в которых находил отражение британский внутривнутриполитический процесс.

По приезду в Лондон Н. П. Огарева в 1857 г. было объявлено о готовящемся выходе газеты «Колокол». Сначала издание задумывалось как «прибавочные листы» к «Полярной звезде», однако в процессе подготовки превратилось в самостоятельную газету. «Колокол» просуществовал десять лет, но в настоящем исследовании нашли отражение материалы, опубликованные в период с 1857 по 1861 гг. Это были годы наивысшей популярности и влияния газеты, в которые тираж издания достигал 3000 экземпляров¹⁰.

Через английское книгоиздательство Н. Трюбнера, немецких книготорговцев А. Франка, Ф. Шнайдера, Р. Вагнера, Ф. Брокгауза и других, агентов английских торговых фирм, русских моряков, многочисленных посетителей Герцена и Огарева, а также по тайным каналам польской эмиграции «Колокол» стал регулярно проникать в Россию, где расхвалился среди либерально настроенного дворянства, чиновничества, купечества, учащейся молодежи в столицах и провинции. «Колокол» читали в правительственных кругах и при дворе. ««Колокол», — писал Герцен, — мы посылаем прямо государю»¹¹.

Многие отечественные мыслители полагали, что стабильность внутривнутриполитического процесса в Великобритании обусловлена в основном консерватизмом британцев, который является, чуть ли не национальной особенностью и передается из поколения в поколение. Однако Герцен во втором номере «Колокола» совершенно справедливо отмечал, что этот консерватизм есть средство защиты тех устоев, которые стали следствием длительного, сложного и противоречивого развития государства и общества. «Народы, — писал он, — вживаются до того в вековые формы и обряды, что не понимают жизни в других формах, хотя бы они были лучше. Консерватизм Англии основан на этом, но для того, чтобы иметь эти обязательные воспоминания, надобно много прожить, надобно что-нибудь иметь для хранения»¹².

Длительная традиция политического компромисса в истории Великобритании предопределила эволюционный характер изменений в XIX в., который выгодно отличал ее от стран континентальной Европы. «В то время, — писал Герцен в «Колоколе», — как Франция с 1789 г. шла огнестрельным путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и в Ирландии и в колониях, с обычным флегматическим покоем и в

совершенной тишине»¹³. Для сохранения внутривнутриполитической стабильности, основ государственности властвующая часть британской политической элиты делала уступки требующим перемен силам всякий раз, когда ситуация грозила выйти из-под контроля. Вспоминая об отмене протекционистских хлебных законов, предвосхищая наделение правом голоса на выборах в парламент значительной части рабочих, Герцен подчеркивал: «Весь правительственный такт Ториев и Виггов состоит в умении упираться пока можно и уступать, когда время пришло. Так как Роберт Пиль — переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо, для правительства; так одно из будущих министерств вступит в сделку с Чартистами и даст интересам работников — голос и представительство»¹⁴.

Н. П. Огарев, который политический процесс в Великобритании теснейшим образом увязывал с ее социально-экономическим развитием, с особенностями английского феодализма, стремился объяснить британскую политическую специфику именно этими факторами. «Феодализм, — писал он в «Колоколе» в феврале 1858 г., — развил в Европе понятие чести и неприкосновенности лица; революции утвердили неприкосновенность собственности. Нигде феодализм не достиг такого развития, выросши и оставшись на основаниях сосредоточенного землевладения, как в Англии, и нигде понятие неприкосновенности лица не пустило такие глубокие корни в общественном мнении»¹⁵. Для Огарева именно личная неприкосновенность земельных собственников, зафиксированная еще в Великой хартии вольностей, стала краеугольным камнем аристократической государственности, вобравшей в себя корону и парламент и на долгое время подчинившей их своему контролю. Личные права и свободы для лиц, лишенных собственности, несмотря на их юридическое оформление, в том числе и в Habeas Corpus Act'e, стали простой формальностью.

«...Развившись в эту сторону уважения к лицу, Англия достигла в этом и до уважения полной свободы лица умереть с голоду. Сосредоточенность землевладения сосредоточила и уважение к лицу только для собственника, — понятие чести только для собственника»¹⁶. Таким образом, для Огарева была совершенно ясна антинародная в социально-экономическом отношении сущность британской государственности. Права и свободы для большинства британцев не были подкреплены возможностями ими воспользоваться. Между их провозглашением и реализацией на практике лежала долгое время непреодолимая пропасть.

В том же номере «Колокола» Герцен обращал внимание на британский внутривнутриполитический либерализм, обеспечиваемый в немалой степени свободой прессы, которая часто спускала политических небожителей на землю, давала возможность читающей публике приблизиться к венценосным особам, видным политикам, почувствовать себя согражданами с ними. «Перелистуйте, — писал он, — лондонский Пунш («Punch». — А. М.), посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажен муж королевы — что же делает Виктория, что делает Альберт — глядят Пунш и смеются с другими. Вот лучшее доказательство как совершеннолетна Англия. С другой стороны, посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый свисток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах»¹⁷. Британская политическая система оказывалась способной к «самоиронии», поскольку в отличие от французской, основанной на подавлении политических свобод, была прочнее в силу уважения к ним.

В марте 1858 г. в разделе «Смесь» Герцен с резкой критикой обрушился на газету «Русский инвалид», которая «...журит Англию за то, что она еще не изменила тем великим началам, на которых выросла ее сила и слава...»¹⁸ В полемическом задоре Герцен со свойственной ему прямоотой писал: «Англия единая страна, где есть спра-

ведливость. А вы будете ей там давать советы, объявлять неудовольствие, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя — розги, чтоб квартальные не дрались по улицам?

Учитесь лучше у Англии, да занимайтесь своим делом!»¹⁹

В августе того же года в заметке «Rappel a la Pudeur!» Герцен в таких же резких тонах высказался против позиции «Санкт-Петербургских ведомостей». «Мы, — писал он в двадцать первом номере «Колокола», — с глубоким чувством жалости и отвращения читаем в английских газетах отрывки из «С.-Петербургских ведомостей» против Англии и ... лезть перед Францией. Как же это делается, что едва позволили вам говорить, так вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?»²⁰

Обращает на себя внимание то, что критика Герцена была направлена на близкие к правительственным кругам издания, которые отнюдь не являлись выразителями общественного мнения, находившегося в России в предреформенные годы в эмбриональном состоянии. В данном случае мы имеем в виду не радикализм крестьянских масс, а конструктивную оппозицию, располагавшую печатными изданиями. В этой связи будет уместна параллель с британской действительностью середины XIX в. «Правительство, — писал Герцен в «Колоколе» в июле 1858 г., — никогда не бывает так мощно, как в согласии с общественным мнением. Легисты Англии, страны строжайшей законности, много раз выражали мысль: «исполнительная власть сильнее закона, в тех случаях, где она встречается с народным желанием»²¹. По его справедливому мнению воля народа в союзе с властью обретает способность творить новые конституционные формы и, применительно к Великобритании, обычаи.

В своей критике российской действительности Герцен доходил, по нашему мнению, до крайностей. Мы имеем в виду то,

что иногда он констатировал отсутствие у своих соотечественников в силу длительной отрешенности от политической жизни способности к государственному строительству и выработке адекватных общественному развитию политико-правовых форм, институтов и отношений. В статье «Россия и Польша», помещенной в «Колоколе» в марте 1860 г., он писал: «Россия не дошла еще до такого гражданского руслу, которое бы ей соответствовало, в котором было бы достаточно простору для обнаружения всех или большего числа внутренних сил своих, т. е. она не дошла до такой органической формы государственной как, например, Англия или Швейцария. У России и в прошедшем не было никогда такого быта, разве при киевском прорезывании зубов. Эта неспетость, уродливое кое-как учреждение, вместе с праздностью сил и дурным употреблением их избытка, или ленивым усыплением их, доказывает незрелость русского народа»²².

Н. П. Огарев в статье «Письма к соотечественнику», опубликованной в «Колоколе» в том же году, выводил принципиальные отличия отечественной политической системы от западно-европейских стандартов из особенностей социально-экономического развития России. Преобладание общинных начал в ее экономике и общественной жизни препятствовало утверждению частного политико-правового статуса — важнейшего фактора становления представительства, как компонента государственности. «...Отстаивая, — писал он, — свое юридическое феодальное начало против центральных властей и, расширив право собственности до признания юридической самостоятельности и для собственности движимой, оно (европейское развитие. — А. М.) дошло до права участия собственников в общественных делах и следственно до представительного правления. Высшее развитие Европы — Англия, и заметьте — это остров; в его границах составные части организма совершили брожение самое ясное, самое определенное...»²³.

Русская община отделила основную массу населения от государства, четко очертив круг актуальных местных экономических и политических интересов. Государственный и общественный векторы развития не слились воедино в России, не стали дополнением друг друга. Данное обстоятельство превращало государство в обособленную от народа систему, имевшую тенденцию к закрытости и самоизоляции. Народ, сакрализируя власть, отстранял ее от себя, вполне довольствовался общинным самоуправлением. Со своей стороны государство сохраняло крепостное право и общину как факторы сдерживания легитимного внутривластного процесса. «... Россия, — писал Огарев, — была равнодушна к форме правления, и в то время как Европа выработала себе выборное начало для представительства в законодательных собраниях, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, тоже ограниченных учреждением присяжных, — русский народ, в своем обычае, сохранил выборную администрацию и мирской суд, не подумав об остальном отношении к центральной власти»²⁴.

Огарев не усматривал длительной перспективы такого «сосуществования» власти и народа. По мере своего развития русское общество должно было выработать эффективное государственное управление. «...Правительственное управление должно отвалиться как латино-германская форма, не привившаяся к общественному экономическому началу русской народной жизни; юридические формы должны создаваться из экономического начала, но себе подчинить его не в силах»²⁵.

Одним из «вопиющих» вопросов русской действительности являлся так называемый «еврейский», состоявший в неравноправии иудеев. Подобное положение дел толкало многих из них в революцию. «Колокол» не оставался в стороне от данной проблемы и, обнажая ее, проводил параллели с Западной Европой, для которой она практически перестала существовать. «Во

Франции и в Англии, — писал один из корреспондентов газеты в ноябре 1860 г., — где евреи еще с начала XIX в. пользуются всеми гражданскими правами, давно уже исчезло всякое различие между Французом или Англичанином христианином — и Французом или Англичанином евреем, хотя и там евреи, как известно, до дарования им гражданских прав находились по степени образования не выше наших русских евреев»²⁶.

Н. П. Огарев критиковал британский парламентаризм, впрочем как и большинство парламентских систем, за возможность диктата большинства, которое практически не принимало во внимание мнение меньшинства, не смотря на то, что зачастую последнее бывало право. Однако в условиях британской государственности, это до какой-то степени компенсировалось гарантией личной неприкосновенности и свободы. «Англия... упрочила личную свободу и безопасность, — писал Огарев в статье «Разбор нового крепостного права», опубликованной в «Колоколе» в августе 1861 г., — в своем самом живом учреждении — в суде присяжных; а между тем как высшие сословия, ограждаясь парламентом от поползновений королевской власти на своеволие, создали свой парламентский деспотизм, который общественные дела решает большинством голосов, наиболее своекорыстных, потому что это большинство из представительства сословного: в то же время личная свобода и безопасность ограждены, даже и от парламентского деспотизма, решением суда присяжных — *единогласным*. Англия в основание своей свободы поставила *единогласие* в суде»²⁷. Таким образом, судебная власть в этой стране могла нейтрализовать возможный произвол власти законодательной, ставя интересы и права отдельной личности выше общих законоположений парламента.

Завершая освещение позиции «Колокола» в отношении британского парламентаризма, следует подчеркнуть, что газета отнюдь не идеализировала эту форму прав-

ления. Не ставится под сомнение и критическое отношение издания к возможности адаптации его институтов к условиям России. Однако, по нашему мнению, бесспорным является признание «Колоколом» значения британского варианта государственно-правового развития, его несомненных преимуществ по сравнению с лишенным динамики российским самодержавием. В апреле 1862 г. в газете за подписью «один из читателей «Колокола» была опубликована статья «Еще о московском универси-

тете». Ее автор писал: «Хотя конституция на манер английской неприложима к России и не удовлетворяет наших желаний, однако мы и ей, как движению вообще, были бы рады... Но мы не верим, что правительство согласится на конституцию. Все что оно ни делает, запечатлено духом произвола, устраняющего всякую попытку общества вмешаться в его дела. Самые реформы свои оно совершает старым бюрократическим порядком, посредством чиновников и полиции»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. — СПб., 1908. — С. 440.

² Цит. по: История русской журналистики XVIII—XIX веков. — СПб., 2005. — С. 478.

³ Герцен А. И. Былое и думы // Соч.: В 4 т. — М., 1988. — Т. 3. — С. 30.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 63.

⁸ Там же.

⁹ Там же. — С. 67.

¹⁰ См.: История русской журналистики XVIII—XIX веков. — СПб., 2005. — С. 479.

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1954—1966. — Т. 18. — С. 190.

¹² Колокол. — 1857. — № 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Колокол. — 1858. — № 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Колокол. — 1858. — № 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Колокол. — 1858. — № 21.

²¹ Колокол. — 1858. — № 18.

²² Колокол. — 1860. — № 65—66.

²³ Колокол. — 1860. — № 77—78.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Колокол. — 1860. — № 85.

²⁷ Колокол. — 1861. — № 105.

²⁸ Колокол. — 1862. — № 127.